

Rahimov I.M.*

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2022.67.128-142

UDC 343.9

Future of the death penalty

Abstract: The institution of the death penalty has long gone beyond criminal policy and is a public policy issue. Therefore, the decision to apply this punishment or rejection of it was very often associated not so much with the real criminogenic situation, national traditions, customs and religion of the people, with the moral state and level of consciousness of society, but with the current specific political situation.

At present, there is a need for a more thorough study of the usefulness of the death penalty from the point of view of not only moral sense, but also common sense and the current state of criminality in a particular country. We assert that the death penalty should only take place when it is necessary and beneficial. This means that morality cannot be the only dominant principle in determining the attitude towards this measure of punishment, for there is also the principle of justice, which requires “retribution to everyone due”.

Keywords: death penalty; expedience; justice; morality; legitimacy; conception of punishment; political necessity.

References

1. Beccaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments]. Moscow, Infra-M Publ., 2004, 184 p.
2. Gernet M.N. *Smertnaya kazn' i obschestvennoe mnenie. Smertnaya kazn': Za i Protiv* [Death penalty and public opinion. Death penalty: pros and cons]. Moscow, Yurid. lit-ra Publ., 1989, pp. 132-150.
3. Golik Y.V. Vernetsya li smertnaya kazn' v Rossiyu? [Will the death penalty come back to Russia?]. *Lex Russica*. 2016. No. 7, pp. 184-189.
4. Zagoskin N.P. *Ocherk istorii smertnoy kazni v Rossii* [Essay of history of the death penalty in Russia]. Kazan, tip. Imp. university Publ., 1892, 103 p.
5. Interfax. 2001. 29 April.
6. Kalmykov P.D. *Uchebnik ugolovnogo prava. Chasti obschaya i osobennaya* [Textbook of criminal law. Parts General and Especial]. S. Petersburg, tip. tov. Obschestvennaya pol'za Publ., 1866, 551 p.
7. Kant I. *Metafizika нравов. Metafizicheskie nachala ucheniya o prave* [Metaphysics of morals. Metaphysical principles of the doctrine of law]. S. Petersburg, P.P. Slaykin, 1903, 60 p.
8. Kvashis B.E. *Smertnaya kazn'. Mirovye tendetsii, problemy i perspektivy* [Death penalty. World trends, problems and prospects]. Moscow, Yurayt Publ., 2008, 800 p.
9. Kizilov A.Y. *Smertnaya kak raznovidnost' monopolii na nasilie* [Death penalty as variety of monopoly on violence]. *Lex Russica*. 2016. No. 12, pp. 79-94.

* **Rahimov Ilham Mammadhasan oglu** – Academician of the RAS, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honoured Jurist of Azerbaijan Republic, a member of the Council of the IOLR (Azerbaijan). E-mail: mopi_sid@yahoo.com

10. Kistykovsky A.F. *Filosofiya i sotsiologiya* [Philosophy and sociology]. S. Petersburg, RHGI Publ., 1999, 800 p.
11. Korobeev A.I. *Smertnaya kazn': tselesoobraznost' sohraneniya* [Death penalty: expedience of maintenance]. *Lex Russica*. 2016. No. 7, pp. 190-199.
12. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy 5 izd. T. 39* [Complete collection of works. 5th edition. Vol. 39]. Moscow, Polit. lit. Publ., 1970, 461 p.
13. Malko A.V. *Smertnaya kazn': Sovremennye problemy* [Death penalty: Modern problems]. *Pravovedenie-Jurisprudence*. 1998. No. 1, pp. 106-116.
14. Malko A.B., Zhiltsov S.V. *Smertnaya kazn' v Rossii: Istoria. Politika. Pravo* [Death penalty: History. Politics. Law]. Moscow, Norma Publ., 2003, 224 p.
15. More Thomas. *Utopia*. Moscow, Nauka Publ., 1978, 416 p.
16. Piontkovsky A.A. *Izbrannye trudy v 2 t.* [Selected works in 2 volumes]. Kazan, Kazan University Publ., 2010, 372 p.
17. Pobegaylo E.F. *Izbrannye trudy* [Selected works]. S. Petersburg, Yuridichesky tsentr Press Publ., 2008, 1066 p.
18. Ratkovsky I.S. *Evolutsiya instituta smertnoy kazni v pevyi god sovetskoj vlasti* [Evolution of the death penalty in the first year of soviet power]. *Vestnik Sankt-Petersburg University Publ.*, 2007. Series 2, Issue 2, pp. 115-124.
19. Tagantsev N.S. *Russkoe ugolovnoe pravo. Lektsii. Chast' Obschaya* [Russian criminal law. Lectures. General Part]. Moscow, Nauka Publ., 1994, 380 p.
20. Ferri E. *Ugolovnaya sotsiologiya* [Criminal sociology]. Compiled by V.S. Obninsky. Moscow, INFRA-M Publ., 2005, 658 p.

Рагимов И.М.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2022.67.128-142

УДК 343.9

Будущее смертной казни

Аннотация: Институт смертной казни уже давно вышел за пределы уголовной политики и является проблемой государственной политики. Поэтому принятие решения относительно применения этого наказания или отказ от него очень часто связывались не столько с реальной криминогенной ситуацией, с национальными традициями, обычаями и религией народа, с нравственным состоянием и уровнем сознания общества, сколько со сложившейся конкретной политической ситуацией.

В настоящее время существует потребность в более тщательном исследовании полезности смертной казни с точки зрения не только нравственного чувства, но и здравого смысла и современного состояния криминогенности в той или иной стране. Мы утверждаем, что смертная казнь должна иметь место лишь в тех случаях, когда она необходима и полезна. Это значит, что нравственность не может быть единственным доминирующим началом в определении отношения к этой мере наказания, ибо существует также принцип справедливости, требующий «воздаяния каждому должного».

♦ Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, член Совета МОПИ (Азербайджан). E-mail: mop_i_sid@yahoo.com

Ключевые слова: смертная казнь; целесообразность; справедливость; нравственность; законность; концепция наказания; политическая необходимость.

Никто до XVIII столетия не отрицал целесообразности, справедливости, законности, а значит и нравственности, этого наказания. Так, Ж.-Ж. Руссо, ссылаясь на учение Т. Гоббса о первоначальном договоре, старался доказать законность смертной казни. М. Монтескье, на основе идей которого Ч. Беккариа выдвинул учение о нравственных началах наказания, также допускал смертную казнь для убийц как необходимое средство излечения общества. Очень часто противники смертной казни ссылаются на высказывание Т. Мора о том, что человеческую жизнь нельзя сравнивать со всеми богатствами мира. Однако они не замечают, что Т. Мор имел в виду ненужность смертной казни в отношении только экономических преступлений [15, с. 68]. Кант и Гегель считали смертную казнь не просто справедливой и нравственно обоснованной, но в ряде случаев и наилучшим наказанием. И. Кант, выступая против призыва Ч. Беккариа к отмене смертной казни, заявлял, что его аргументы основаны на софизмах и «ложной концепции права».

В противоположность этому И. Кант выдвинул свою концепцию наказания, в основе которой лежит идея абстрактной справедливости, выраженная формулой римских юристов: «Пусть совершится правосудие, хотя бы ради этого погиб мир». Он писал: «Сколько есть убийц, совершивших убийство или приказавших убить, или содействовавших этому, столько должно быть казнено: так этого хочет справедливость» [7, с. 58-59].

Появление новых учений, идей, взглядов и теорий о сущности и значении смертной казни как вида уголовного наказания связано с двумя великими явлениями в истории человечества - Гуманизмом и Реформацией. Хотя чрезвычайно трудно указать точные границы эпохи, составляющие переход от средневековых воззрений к воззрению нового времени, но следует согласиться с мнением профессора А.Ф. Кистяковского, который считает, что лишь с XVII в. в европейских обществах мало-помалу начинают развиваться элементы нового устройства вообще и начала, положенные в основание улучшения уголовного права в частности [10, с. 65-66].

Эпоха Гуманизма и Реформации подарила человечеству многих выдающихся философов, политиков, юристов, которых интересовали проблемы смертной казни. Среди них были: Гуго Гроций, Гоббс, Спиноза, Локк, Фихте, Гоммель, Фейербах и др. Без всякого сомнения, они внесли огромный вклад в борьбу с устаревшими и отжившими свой век взглядами на смертную казнь. Но, к сожалению, никто из них не смог сделать то, что сделал Ч. Беккариа, который присоединился к деятельности Вольтера по реформе института наказания в области смертной казни в своем появившемся в 1764 г. сочинении «О преступлениях и наказаниях», воскликнув человечеству следующее: «Но если я докажу, что смерть (речь идет о смертной казни) ни полезна, ни необходима, то я выиграю дело человечества». По утверждению А. Бернера, с этого времени получают начало реформы в уголовном праве. С той же достопамятной поры и до настоящего времени продолжают исследования о законности смертной казни.

Хотя голос Ч. Беккариа не был услышан, тем не менее, его взгляд на это наказание оказал огромное влияние на эволюцию идеи о смертной казни и был поддержан достаточно авторитетными именами современных ему представителей науки уголовного права во всей Европе. Однако не только ученые, но и многие правители и государственные деятели весьма

серьезно отнеслись к идеям Ч. Беккариа. Взгляды итальянского мыслителя, как известно, нашли отражение в Наказе Екатерины II. По всему видно, что императрица достаточно глубоко изучила идеи Беккариа относительно сущности института наказания, его целей и возможностей. Знаменитый Наказ состоит из 526 статей: около половины заимствованы из Монтескье и до 100 статей - из трактата Беккариа (ст. 147-245 Наказа). Следует заметить, что статьи Наказа о смертной казни дословно повторяют аргументы Ч. Беккариа. Так, в частности, в Наказе говорится: «Опыты свидетельствуют, что частое употребление казней никогда людей не сделало лучшими. Чего для я докажу, что в обыкновенном состоянии общества смерть гражданина ни полезна, ни нужна, то я преодолю восстающих против человечества» (ст. 210 Наказа). Ч. Беккариа пишет: «Но если я докажу, что смерть ни полезна, ни необходима, то я выиграю дело человечества» [1, с. 126].

Из Наказа видно, что Екатерина II не решается категорически высказаться по вопросу смертной казни, она колеблется, балансирует между абстрактной идеей неправомерности смертной казни, навеянной ей ее западноевропейскими авторитетами, и сомнением в возможности конкретного воплощения этой идеи. Однако это не означает, что трактат ей не нравится. Императрица вовсе не отрицает идеи Беккариа. Ее сомнения и колебания связаны с тем, что сам автор трактата не был категоричен в отношении полезности смертной казни, поскольку связывал ее с определенными условиями общественного развития и государственного устройства. Отвергая основные положения классической школы о причинах преступления, то есть свободу воли и роль наказания в противодействии с преступными проявлениями, в особенности с насильственными, представители уголовно-антропологической школы ставили совершенно справедливый вопрос: зачем применять смертную казнь к убийцам, а также к другим насильникам, если злодеяния они совершали не по своей воле, а в силу не зависящих от них причин физиобиологического характера? Именно с этого времени отношение к сущности, значению и полезности смертной казни рассматривается в контексте причин преступления, за которые предусмотрена в качестве наказания эта мера.

Проблема стала настолько актуальной, что к ее обсуждению и решению подключились не только юристы, философы, политики, но и представители других наук. Так, на основе анализа статистических данных о состоянии преступности и причинах конкретных преступлений французские статистики Терри и Кетле попытались разрушить веру в возможность путем наказания, а тем более смертной казнью, бороться с этим явлением. Самое удивительное, что законосообразность человеческих действий, о которой многие века рассуждали блестящие умы человечества, оказалась возможной лишь тогда, когда появился точный и беспристрастный цифровой материал, то есть научно поставленная уголовная статистика. Безусловно, надо быть признательными ее основателям, хотя она не смогла в полной мере помочь раскрыть всю совокупность условий и индивидуальных факторов, которые определяют преступление. Именно поэтому и уголовная статистика не смогла ответить на вечный вопрос: какова роль смертной казни в борьбе с умышленными убийствами и другими насильственными преступлениями?

Недоверие к наказанию в виде смертной казни в противодействии к убийствам и насильно приводило к поиску других средств защиты от этих преступлений. В частности, после того, как теория о прирожденном преступнике не получила одобрения в обществе, Э. Ферри в 1882 г. объявляет о создании новой школы, которую он назвал уголовной социологией [20], отрицающей действительность наказания. Он вносит в ряд основных положений этой школы

следующее: «Роль наказания - чисто отрицательная, и оно стоит на последнем месте... Оно не уничтожает причин преступления, действующих в индивиде и среде; самое большее, что оно может сделать, если удастся, - остановить на время поток преступных импульсов меньшей силы, поток, однако, всегда готовый выступить из берегов» [20, с. 302]. Такое резко отрицательное отношение к роли и значению наказания у Э. Ферри вытекает, естественно, из его позиции относительно сложного происхождения и природы преступления: биологической, физической и социальной. Понятно, что речь идет, главным образом, об источниках и механизме деяний, связанных с насилием, убийством, агрессией. Что же взамен наказанию, в частности смертной казни, предлагает основатель уголовной социологии? Это эквиваленты наказаний, то есть средства, заменяющие наказание, которые станут противоядием, главным образом, против социальных факторов преступности. В принципе, система эквивалентов наказания является ничем иным, как обыкновенным предупреждением преступлений или, в современной терминологии, устранением условий и обстоятельств, способствующих совершению преступлений. Поэтому эквиваленты наказания, как и признается сам Э. Ферри, вовсе не предназначены сделать невозможным какое бы то ни было преступление. Их цель - ослабить причины преступлений и, таким образом, в большей или меньшей мере довести их состояние до желаемого минимума. С таким подходом можно согласиться в отношении тех преступлений, причины которых находятся в социальных условиях общественной жизни. Так, например, благосостояние народа может быть настолько высоким, что кражи, грабежи и разбои потеряют свое значение и показатель таких преступлений будет незначительным. А что предлагается взамен такому наказанию, как смертная казнь? Какое противоядие он нашел против умышленных убийств, насильственных преступлений и вообще особо опасных деяний, за которые предусмотрена смертная казнь? А ведь эти преступления совершаются также, а иногда и в большем количестве, в странах, где благосостояние людей достаточно высокое.

Проблема смертной казни была объектом изучения также социологической школы, которая исходила из того, что преступление есть не что иное, как ответ на социальную несправедливость, как следствие несовершенной и неудовлетворительной организации общества, радикальная реформа которой довела бы до минимума цифру преступности, а может быть, и вовсе ее уничтожила. Исходя из элементарной логики, получается, что чем больше виновата внешняя среда, тем меньше вина личности. А это означает, что реакция государства в этом случае должна быть более мягкой, то есть наказание должно быть менее жестким, и наоборот. Следовательно, невозможно применение смертной казни к преступнику, ибо его вина в определенной степени зависела от внешней среды. Если же исходить из того, что причины убийств лежат целиком в окружающей внешней среде, то тогда мы должны отказаться от применения не только смертной казни, но вообще наказания и перейти к использованию некарательного воздействия, ибо устранение этих причин - не объект воздействия наказания, тем более смертной казни. Возлагая всю вину за свое поведение на личность, независимо от условий внешней среды, мы тем самым подтверждаем, что причины, истоки убийства исходят именно от нее. Уголовная политика в этом случае, естественно, должна быть направлена именно на реакцию общества против личности, а значит, на ужесточение наказания, усиление психологического воздействия на население, на применение смертной казни, в целях устрашения. Теоретические обсуждения вопроса о смертной казни, естественно, не могли оказать влияние на эволюцию института этого наказания.

Изучение проблемы смертной казни показывает, что процесс ограничения ее применения начался в XIX в. (Голландия, Италия, Португалия, Швейцария), хотя ранее в герцогстве Тосканском вследствие тайного повеления герцога Леональда в 1765 г. наказание в виде лишения жизни человека не приводилось в исполнение, а в 1786 г. казнь была отменена и в законе. Однако уже через пять лет, то есть в 1791 г., она была вновь восстановлена, в 1847 г. опять отменена, а в 1853 г. снова восстановлена. Наконец, в 1861 г. смертная казнь в герцогстве Тосканском была отменена окончательно. Следует особо подчеркнуть, что не было ни одного государства, которое в своей истории не меняло бы отношения к высшей мере наказания в виде лишения жизни человека вследствие причин различного характера. Так, австрийский император Иосиф в 1788 г. отменил смертную казнь, а в 1795 г. она была вновь восстановлена.

Ни в одной стране мира попытки отмены смертной казни не делались так часто, как во Франции. Еще в 1971 г. в Национальном собрании Франции депутатов, выступивших за отмену смертной казни, оказалось больше, но политическая ситуация была критической, пошли разговоры «о внутренних врагах» и большинство уступило меньшинству Кодекс Наполеона 1810 г. восстановил смертную казнь, которая действовала до нового УК Франции 1994 г., отменившего это наказание. В принципе, смертная казнь была отменена в законодательном порядке в различных странах в разное время: в Румынии - с 1867 г.; в Голландии - с 1870 г.; в Италии - с 1890 г.; в Норвегии - с 1905 г. и т.д. В Бельгии хотя смертная казнь и не была отменена, но фактически не применялась с 1863 г. В Швейцарии по Конституции 1874 г. она также была отменена. Последняя казнь в Великобритании состоялась 13 августа 1964 г. Как известно, в 1965 г. парламент ввел пятилетний мораторий на смертную казнь.

Применение смертной казни в России было ограничено если не юридически, то фактически в течение всей второй половины XVIII столетия. В марте 1753 г. Елизавета Петровна отменила смертную казнь. Таким образом, Россия стала одним из первых европейских государств, формально отменивших этот вид наказания. При Екатерине II смертная казнь практически не применялась за общеуголовные преступления. Каких-либо сведений о фактическом применении смертной казни за 25 лет царствования Александра I не содержится.

Надо отметить, что юридически это наказание было ограничено в России на много лет раньше, чем в законодательствах ведущих западноевропейских держав. Общее число казненных при императоре Николае I не было велико - всего около 40 человек. Временное правительство отменило это наказание в марте 1917 г., однако уже к июлю 1917 г. смертная казнь была восстановлена. Октябрьская революция большевиков 1917 г. объявила об отмене этого наказания. В УК РСФСР 1922 г. до 38 составов предусматривали наказание в виде смертной казни - расстрела. УК РСФСР 1926 г. расширил круг деяний, за которые предусматривалась смертная казнь, однако, так же как и в УК 1922 г., за убийство, изнасилование это наказание не применялось. В 1947 г. смертная казнь в СССР была отменена, а в 1950 г. вновь восстановлена.

Итак, в советский период смертная казнь отменялась трижды: с ноября 1917 г. по февраль 1918 г.; с января по май 1920 г.; с мая 1947 г. по январь 1950 г. По оценкам экспертов ООН, приговоров к смертной казни в СССР выносилось больше, чем во всех странах мира. После распада Советского Союза многие бывшие республики, получив независимость, по политическим соображениям отказались от смертной казни.

Профессор Н.П. Загоскин еще в конце XIX в. утверждал, что Россия идет по верному пути к окончательной отмене у себя смертной казни [4, с. 18]. Кстати, еще до него профессор Санкт-Петербургского императорского училища П.Ф. Калмыков считал, что у этого наказания нет будущего и смертная казнь в перспективе не будет включаться в арсенал уголовно-правовых средств противодействия преступности, поскольку она не может быть оправдана никакими философскими соображениями [6, с. 212]. С таким прогнозом относительно будущей судьбы высшей меры наказания позднее выступали также многие именитые дореволюционные ученые-юристы в области уголовного права. В частности, Н.С. Таганцев писал: «...не надо быть пророком, чтобы сказать, что недалеко то время, когда смертная казнь исчезнет из уголовных кодексов и для наших потомков сам спор о ее целесообразности будет казаться столь же странным, каким представляется теперь для нас спор о необходимости и справедливости колесования или сожжения преступников» [18, с. 190]. Другой известный ученый А. А. Пионтковский более ста лет назад, размышляя о судьбе смертной казни, был убежден, что эта мера наказания является одним из особенно резко бьющих в глаза пережитков старого времени, сохранившихся в современных карательных механизмах [16, с. 179].

Следует особо подчеркнуть, что эти высказывания, прогнозы адресованы были не только России, поскольку проблема смертной казни - это проблема всего человечества. Но правда и то, как писал М.Н. Гернет, «что все еще страшная своею силою, продолжающая сокрушать ежегодно сотни человеческих жизней, она с каждым годом слабеет», ибо «не знавшая ранее врагов, не имевшая противников, она теперь принуждена вести упорную борьбу за свое сохранение, и в лицо ей все чаще бросают позорные упреки и тяжкие обвинения» [2, с. 133]. Самое важное в этой борьбе, чтобы все дискутирующие учитывали реальности жизни, а не были бы абстрактными гуманистами или, что еще хуже, вечными и твердокаменными сторонниками смертной казни, которых В.Е. Квашис причисляет к «граничащим с инстинктивными чувствами» [8, с. 557]. Сейчас Россия, так же как и некоторые другие государства, законодательно не отменила, но и не применяет этот вид наказания. Она не спешит с принятием однозначного решения. Понятно, что так долго продолжаться не может и, в конце концов, России придется сделать выбор.

В настоящее время 95 стран отменили смертную казнь за все преступления, 9 - за преступления в мирное время и еще 35 стран не применяют ее на практике. По данным Международной амнистии, за 2008 г. около 8864 преступникам была назначена смертная казнь в 52 странах, из которых не менее 2390 человек были казнены в 25 странах мира. На Китай приходится 72% всех казней. За последние 10 лет количество казней в этой стране доходило до 10 000 в год. Для сравнения: с 1991 по 1995 г. в Индии смертная казнь приводилась в исполнение всего в 17 случаях. По количеству исполненных смертных приговоров Иран занимает второе место в мире после Китая. Так, за 2009 г. было казнено не менее 388 человек. В Южной Корее с 1948 по 1998 г., то есть за 50 лет, казнено более 900 человек. В 2009 г. в США, где смертная казнь существует в некоторых штатах, было казнено 52 человека, а в 1999 г. - 98. Что касается стран постсоветского пространства, то особо следует отметить Казахстан, который в конце 90-х годов занимал одно из первых мест в мире по количеству казней. С декабря 2003 г. в этой стране был введен бессрочный мораторий на исполнение смертных приговоров. Нельзя не отметить, что во время моратория в результате болезней и само-

убийств погибает немалое число заключенных. Например, в Киргизии с 1999 по 2006 г. зафиксировано не менее 73 таких случаев.

В современном мире эта мера применяется особенно интенсивно в Иране, Ираке, Китае, США, Судане, Нигерии, Саудовской Аравии. К примеру, УК Судана предусматривает смертную казнь даже за супружескую измену, систематическое злоупотребление алкоголем, вероотступничество, гомосексуализм и т.д. В Нигерии человека лишают жизни за повреждение нефтепровода либо электрического кабеля. Смертная казнь предусмотрена за 17 составов, в том числе и за отравление водопровода, в такой развитой стране, как Япония.

Сегодня вопрос о существовании смертной казни может быть поставлен следующим образом: с какой стороны следует рассматривать эту проблему - с нравственной или с позиции здравого смысла, учитывающих национальные особенности, религию, исторические обычаи и традиции, криминогенную ситуацию конкретного общества? Европейцы считают, что в XXI в. именно нравственная сторона смертной казни имеет бесспорное и решающее значение при принятии решения о ее существовании. Они исходят из того, что лишение жизни преступника, даже убийцы, свидетельствует о несоблюдении принципов и основ нравственности и гуманизма и характеризует низкий уровень нравственного и культурного развития народов.

Но не только нравственная сторона этого вопроса явилась отрицанием смертной казни. Огромное влияние, бесспорно, оказали также идеи и взгляды выдающихся философов и юристов Европы, несмотря на сильнейшее сопротивление таких великих мыслителей, как Кант и Гегель. На понимание смертной казни как возмездия, противоречащего нравственности, оказало серьезное влияние учение Иисуса Христа в Новом Завете, где предлагается «Подставь щеку!». Однако не думаем, что нравственный уровень и культурное развитие японцев или арабов, которые поддерживают смертную казнь и применяют ее, ниже, чем у немцев, или у народов Восточной Европы. Поэтому, если то или иное государство отменяет смертную казнь, это еще не свидетельствует о высоком уровне развития этого народа. В качестве примера можно назвать страны постсоветского пространства, отказавшиеся от этого наказания, как известно, по политическим соображениям, не без давления со стороны Европы. Уровень нравственного и культурного развития народа влияет на характер и состояние преступности в той или иной стране и не более. Как свидетельствует статистика, именно Япония и арабские страны занимают самые последние ступеньки по уровню преступности на планете. Поэтому представляется справедливым и объективным определять отношение к смертной казни того или иного народа с учетом не только нравственного сознания, но и других условий, имеющих религиозные, исторические, традиционные, криминогенные и политические основы. Разве японцы по своему развитию уступают немцам или французам? Многие народы бывшего постсоветского пространства после получения независимости отказались от смертной казни. Значит ли это, что они стали европейцами и что эта мера наказания уже не соответствует их уровню нравственного сознания и развития?

Как известно, система наказаний в исламских государствах предусматривает смертную казнь не потому, что уровень этих народов ниже, чем уровень тех, кто отменил эту меру наказания, а потому, что это вытекает из сущности и значения Корана, который, кстати, в первую очередь, направлен именно на защиту нравственных принципов жизни и поведения мусульман. Причины существования смертной казни в некоторых странах обусловлены спецификой их менталитета и психологии, неразрывно связанной с многовековыми традициями и

обычаями. Так, например, сохранение смертной казни по сегодняшний день в Японии - свидетельство именно сохранения вековых обычаев и традиций, принятого уклада жизни, а не влияния религии, и не показатель высокого уровня криминогенности в стране. Подавляющее большинство стран, сохранивших смертную казнь, все-таки уверены в том, что такая мера наказания обладает самым высоким качеством противодействия преступным проявлениям. Поэтому эти страны (США, Россия, Китай, Турция и др.) при ответе на вопрос, быть или не быть смертной казни, в первую очередь, думают о состоянии преступности в стране, а потом уже - о нравственной стороне этого наказания. Они считают, что, кроме чувства нравственности, в реальной общественной жизни господствует принцип здравого смысла, основанный на объективной необходимости, полезности и справедливости существования смертной казни как средства защиты общего блага от жестоких преступлений и злодеяний.

Важно также отметить, что институт смертной казни уже давно вышел за пределы уголовной политики и является проблемой государственной политики. Поэтому принятие решения относительно применения этого наказания или отказ от него очень часто связывались не столько с реальной криминогенной ситуацией, с национальными традициями, обычаями и религией народа, с нравственным состоянием и уровнем сознания общества, сколько со сложившейся конкретной политической ситуацией. Об этом свидетельствуют даже дебаты в Древней Греции во время Пелопонесской войны (427 г. до н.э.) о судьбе жителей города Митилена, когда решение, принятое Афинской ассамблеей после диспута, не предавать смертной казни все мужское население города носило чисто политический характер, хотя и в спорах наших современников этот исторический факт противниками смертной казни приводится как аргумент, свидетельствующий о глубоких сомнениях относительно идеи устрашающего воздействия этого наказания. Ситуация с отменой и восстановлением смертной казни по политическим мотивам, а не исходя из реальной криминогенной и социально-экономической ситуации, имела место до и после Октябрьской революции и еще неоднократно возникала в истории СССР.

Понимание смертной казни как политической меры воздействия на оппонентов имело место в России, в частности, в 1905-1906 гг., в период первой революции. В стране наметилась тенденция к росту числа казненных. Если возникала необходимость снизить крайне негативное отношение к существующей власти, опять-таки использовалась смертная казнь. Так, например, после февральской революции высшая мера по политическим соображениям была отменена Временным правительством 12 марта 1917 г. Такая отмена носила, естественно, политически-популистский характер и имела, кстати, противоположный эффект, поскольку привела к резкому увеличению особо опасных насильственных уголовных преступлений. Само собой разумеется, такое необдуманное решение, основанное на политических предпосылках, не могло не привести в целом к кризису Временного правительства. Поэтому уже к 12 июля 1917 г. смертная казнь была восстановлена. Советская власть во главе с большевиками не могла не осознавать огромный политический потенциал смертной казни по сравнению с другими наказаниями. Поэтому, как известно, на второй день после Великой Октябрьской социалистической революции смертная казнь была отменена. Однако в январе 1917 г. политическая необходимость потребовала от большевиков и лично от В.И. Ленина использовать смертную казнь в качестве основного средства борьбы с контрреволюцией, с политически негодными оппонентами, с инакомыслием и неподчинением.

Вождь революции писал: «Ни одно революционное правительство без смертной казни не обойдется, и весь вопрос только в том, против какого класса направляется данным правительством оружие смертной казни» [12, с. 183-184]. В этом В.И. Ленин был прав, ибо история человечества уже сталкивалась с подобной ситуацией. Так, например, сравнивая обстановку, сложившуюся в России после революции, с политической обстановкой во Франции периода Великой французской революции, Л.Д. Троцкий отмечал: «Железная диктатура якобинцев была вызвана чудовищно тяжким положением революционной Франции». Таким образом, практика применения смертной казни за уголовные преступления, наблюдаемая в первом полугодии 1918 г. в деятельности созданного Чрезвычайного комитета (ЧК), постепенно распространилась и на политических противников Советской власти. По данным А.В. Малько и С.В. Жильцова, за семь месяцев 1919 г. органами ВЧК было расстреляно 2089 человек; всего за год и семь месяцев – 8389 [14, с. 121-123].

И.С. Ратковский считает, что применение высшей меры наказания, в частности к анархистам весной 1918 г., даже учитывая их уголовное прошлое и настоящее, нельзя оценивать как меру, направленную исключительно против преступности, определенная политическая составляющая здесь также присутствовала. И хотя число расстрелянных лиц было относительно невелико, это была определенная тенденция - от уголовных к уголовно-политическим расстрелам [18, с. 115-124].

Очередная формальная «попытка» отмены смертной казни в январе 1920 г. Советской властью была вызвана также политическими мотивами, а не сокращением роста преступности или же отсутствием социально-экономических предпосылок, поскольку к этому времени политическая обстановка в России более-менее стабилизировалась. Таким образом, в конце 20-х - начале 30-х годов XX в. смертная казнь в СССР имела не только уголовно-правовое, но и политическое содержание и функции и применялась в целях придания репрессиям правовой формы.

Развал СССР создал новую правовую ситуацию, связанную с необходимостью отмены смертной казни в постсоветских республиках, не потому, что изменилась криминогенная ситуация, а потому, что начался процесс вступления суверенных республик в Совет Европы, который требовал отказаться от этой меры наказания. При этом следует отметить излишне категоричные условия Совета Европы: «...смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни и казнен» (Протокол № 6). Требование Совета Европы по вопросу о смертной казни, на наш взгляд, носит характер сильного политического давления: или откажитесь от этого наказания, или вам не видать Европы. Так, например, в принятой резолюции заседания Сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы в конце января 1997 г. представители России были предупреждены о том, что в случае невыполнения взятых на себя обязательств по объявлению моратория на смертную казнь будет поставлен вопрос о приостановлении полномочий российской делегации в Совете Европы. Таким образом, проблема смертной казни непосредственно связана не только с этическими, историческими, социальными, религиозными, криминогенными аспектами, но в современных условиях — в большей степени с политической целесообразностью.

Сегодня почти во всех странах, как сохранивших смертную казнь, так и отказавшихся от нее, время от времени вспыхивает острая полемика. Многие реформаторы считают бесперспективность этого наказания не утопией, а неизбежным результатом нынешнего развития, ибо, по их мнению, лишение жизни человека, если даже он и совершил самое тяжкое

преступление, в том числе умышленное убийство, - «социальное уродство». Такое утверждение означает, что, в конечном счете, не так уж важно, оказывает ли смертная казнь или нет положительное воздействие на уменьшение насильственных преступлений, ибо она выходит из употребления. И это происходит, по их мнению, потому, что данное наказание становится все менее совместимым с современными нормами нравственности. Подобные высказывания выражают, по-видимому, существенные изменения моральных оценок. Поэтому в западном мире, в отличие от остальных стран, в частности государств постсоветского пространства, смертная казнь стала менее приемлемой. Между тем нельзя забывать, что истории известно достаточно фактов, когда после отмены смертной казни та или иная страна вновь возвращалась к ее восстановлению. Так, например, в английский парламент с 1969 г. 18 раз вносились предложения относительно возвращения высшей меры наказания.

Полагаем, что в настоящее время существует потребность в более тщательном исследовании полезности смертной казни с точки зрения не только нравственного чувства, но и здравого смысла и современного состояния криминогенности в той или иной стране. Мы утверждаем, что смертная казнь должна иметь место лишь в тех случаях, когда она необходима и полезна. Это значит, что нравственность не может быть единственным доминирующим началом в определении отношения к этой мере наказания, ибо существует также принцип справедливости, требующий «воздаяния каждому должного». Следовательно, не исключаем, что общества, отказавшиеся от смертной казни, и в первую очередь те, которые пошли на это в недавнем прошлом по причинам политического характера, вновь вернутся к вопросу об ее восстановлении. Такие призывы, кстати, уже были сделаны официально руководителями некоторых государств, в частности Венгрии, Болгарии. Те же государства, которые объявили мораторий, все более склоняются к мнению о целесообразности применения этого наказания (Турция, Пакистан). Что касается тех стран, в которых сохранена по сегодняшней день высшая мера наказания, то на фоне существующей криминогенной ситуации они еще более убедились в правильности выбора.

В современной жизни встречаются такие убийства, которые по жестокости превосходят фильмы, где «кровь льется рекой». В связи с этим Ю.В. Голик отмечает, что все больше и больше совершается преступлений какой-то запредельной, патологической жестокости. Преступность попросту звереет. Ни уговоры, ни воспитательные меры не помогают и не могут [3, с. 186]. Так в 2010 г. в станице Кущевская банда Цапкова безжалостно убила 12 человек, включая детей. В марте 2017 г. в г. Баку Л.Г. нанес несколько ножевых ударов А.Б. в область горла и лица, затем перерезал горло ее сыну и дочери. Тела убитых поместил в багажник машины и увез. Был арестован.

Сейчас мы столкнулись не только с увеличением серийных убийств, но и с новой категорией убийств и насильников, сформировавшейся после развала СССР: безмотивные убийцы, «убийцы для развлечения» или убийцы по влечению. Сегодня в Азербайджане мы все чаще слышим о таких формах убийств, с которыми ранее встречались очень редко. Речь идет об убийствах с признаками зверства и жестокости. К сожалению, все чаще совершают убийства путем отрезания головы своим жертвам. Безусловно, формулу «жизнь за жизнь» в отношении каждого убийства применять нельзя. Однако есть такие умышленные убийства, совершенные с такой жестокостью, с такими последствиями, что смертную казнь за них не может заменить ни одно другое наказание. Целесообразно ли, справедливо ли, нравственно ли отказаться от смертной казни за такого рода преступления?

Считаем правильным, как с точки зрения нравственного чувства справедливости, так и с позиций здравого смысла, сохранение смертной казни как высшей меры наказания только для умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах, когда в результате преступления погибло более двух человек, с учетом, естественно, субъективной стороны деяния. Поэтому целесообразно, наряду со смертной казнью, предусмотреть также пожизненное лишение свободы для остальных лиц, совершивших умышленные убийства. Сохраняя, таким образом, смертную казнь, мы имеем возможность использовать ее высокие предупредительные и устрашительные свойства в целях предотвращения особо тяжких, квалифицированных умышленных убийств. Поэтому, относясь, в целом, отрицательно к смертной казни, с точки зрения нравственного чувства, полагаем, что ее отмена в нашей стране (Азербайджане), так же как и в других странах постсоветского пространства, основанная чисто на политических условиях, была преждевременной. К такой отмене не было подготовлено общественное мнение, с которым нельзя не считаться, не соответствовала этому и криминогенная обстановка. Нельзя было также не учитывать пока что низкий уровень нравственного сознания населения, вышедшего только что из тоталитарного режима и не освоившего еще сути гражданского общества и правовой государственности. Чисто политический отказ от этого наказания, без объективных на то условий, перечисленных выше, не привел, и не мог привести к положительным результатам. Мы не учли очень важную истину о том, что смертная казнь как исторический феномен автоматически не исчезает из сферы жизни и общественных отношений. Мы не учли также, что вынужденный отказ от применения смертной казни, являющийся по своей сути декларативным, приводит к реанимации нелегальных форм расправы, имеющих внесудебный характер; забыли, что самодеятельная смертная казнь будет осуществляться, и это имеет место сейчас, но уже не «сверху», а «снизу».

А.В. Малько справедливо утверждает, что при отсутствии полноценных условий для отмены официальной смертной казни ее «уход со сцены» приведет к активизации нелегальных форм, имеющих внесудебный, досудебный и полусудебный характер - самосудов, заказных убийств и т.п. [13, с. 106-116] Кроме того, необходимо учитывать, что сохранение смертной казни - это своеобразный уголовно-правовой способ восстановления социальной справедливости. Именно поэтому общественное мнение всегда выступало и сейчас выступает за сохранение этой меры за наиболее тяжкие насильственные убийства. Наши исследования, проведенные в Азербайджане, показывают, что от 80 до 90% населения выступают против отмены смертной казни. Как отмечает Э.Ф. Побегайло, даже 75% опрошенных «смертников» высказались за сохранение смертной казни [17, с. 62]. И такое отношение общественности к этому наказанию естественно, ибо, в отличие от нас, в социально благополучных странах в широком смысле слова, каковыми являются, в частности, большинство стран Европы, к смертной казни «относятся гораздо спокойнее, философски, не так обостренно, как в неустроенных, слаборазвитых государствах» [13, с. 106-116].

И наконец, возникает еще один важный вопрос: не означает ли отказ от смертной казни по политической необходимости частичным ограничением государственного суверенитета? А.Ю. Кизилов на это отвечает: «Отказ от применения смертной казни - это символический шаг, жест, которым элита, осуществляющая управление государственным механизмом на соответствующей территории, посылает глобальным элитам сигнал о готовности ограничить свой суверенитет» [9, с. 91]. По его мнению, смертная казнь - это такой же атрибут суверенитета, как флаг, герб, гимн и «ядерная кнопка».

Итак, поддерживая в целом идею отказа от смертной казни, мы полагаем, что в современных условиях общество не только в нашей стране, но и во многих странах мира не готово к отмене смертной казни за убийство с особой жестокостью и с тяжелыми последствиями. Это необходимо, в первую очередь, для обеспечения элементарной внутренней безопасности жизни людей в обществе. С таким мнением согласны сегодня многие авторитетные ученые и мыслители. Так, А.И. Коробеев пишет: «Что касается смертной казни как вида наказания в системе уголовных наказаний России, то остается надеяться, что рано или поздно (а скорее всего - в очень отдаленной перспективе) и у нас созреют условия для ее полной отмены, и тогда государство откажется от этого наказания. Пока же, как нам представляется, смертную казнь в России применять не только можно, но и нужно, по крайней мере, за наиболее вопиющие и резонансные случаи совершения из ряда вон выходящих убийств (особенно тех, что сопряжены с преступлениями террористической направленности)» [11, с. 198].

Высокий уровень существующего ригоризма в обществе постсоветских республик, который не снижается, свидетельствует о том, что ни в психологическом, ни в культурном отношении эти народы к отмене смертной казни готовы не были. Бывают времена, говорил А.И. Солженицын, когда для спасения общества, государства смертная казнь нужна [5]. Думается, что в данный момент в условиях всеобщего кризиса, роста преступности, в особенности умышленных убийств и насилий, в нашей стране вопрос стоит именно так.

Ограничение, а затем отмена смертной казни, в принципе, свидетельствуют об эволюции воззрений на преступление и наказание. Поэтому смертная казнь исчезнет так же, как исчезла в свое время кровная месть, - в результате закономерного объективного процесса общественно-экономического развития. Для отмены смертной казни должны созреть условия: экономические, социальные, криминогенные, религиозные, политические, нравственные. Необходимость в смертной казни отпадает тогда, когда в обществе господствуют сильные действия нравственных и религиозных норм, когда демократические институты и принципы восприняты населением как внутреннее требование, когда грубость и дикость нравов, экономическая бедность страны, способствующая сохранению насильственной преступности, исчезнут из общественной жизни.

Хотим мы этого или нет, вопрос о возврате смертной казни всегда будет в повестке дня тех государств, которые отказались от нее, не имея для этого объективных оснований, и, в конечном счете, эта мера займет свое место в системе уголовного наказания. Как отмечалось, эволюция идеи отмирания смертной казни связана с эпохами Гуманизма и Реформации и сопровождалась гуманизацией процесса исполнения этого наказания. Если до этого исторического периода исполнение смертной казни на протяжении веков претерпело немало изменений, подталкивая к постоянному поиску самых ужасных, отвратительных и жестоких способов, какие только способно породить воображение, с целью подчеркнуть показательность казни, то, начиная с XVIII в., обогатившего человечество великими реформами, смертная казнь и в особенности процесс ее исполнения стали проблемой нравственной. Теперь уже начался обратный процесс: человек стал искать гуманистические пути лишения преступника жизни, чтобы причинить ему наименьшие боль и страдание. Однако одних только философских, нравственных учений для этого было недостаточно, появилась необходимость привлекать к процессу умерщвления человека, приговоренного к смертной казни, достижения биомедицинской и технических наук. Таким образом, процесс рассмотрения смертной казни и ее исполнения стал носить междисциплинарный характер.

В качестве примера можно привести историю появления гильотины - «головорубки» со скользкими лезвиями, которые опускались под тяжестью собственного веса. Как известно, французскую машину для отрезания голов придумали два врача: доктор Гильотен и доктор Луи - гуманист и ученый. Эта машина была не только творением философским, то есть воплощением «новых идей» в области нравственных начал правосудия, основанных на гуманистических принципах, но и результатом достижений биомедицинской науки. Машина для обезглавливания была призвана изменить саму эстетику смерти. Она должна была рубить голову так просто и быстро, что осужденный едва ли мог ощутить даже легкое дуновение на затылке. Гильотен на Национальном собрании говорил: «Моя машина, господа, отрубит вам голову в мгновение ока, и вы ничего не почувствуете». От автора машины требовалось одно: казнь должна быть минимально болезненной и максимально быстрой, ибо от просвещенного человечества требуется усовершенствование искусства умерщвления. Для большей эффективности края «головорубки» должны быть под 45 градусов. Таким образом, гильотина призвана была соответствовать трем критериям: «быть гуманным, эффективным и пристойным» средством.

Очередным шагом на пути гуманизации средств умерщвления был электрический ток, впервые примененный в штате Нью-Йорк в 1889 г. Рассчитывали, что, возможно, электричество сделает, наконец, смертную казнь еще более совершенной и безупречной с точки зрения гуманности. Очередное изобретение в науке умерщвления - газовая камера (1924 г.). Однако врачами было установлено, что с биоэтической точки зрения этот процесс более мучительный и страдание длится несколько минут с момента начала химического процесса. Поэтому был придуман новый способ казни - смертельная инъекция. Эта самая современная «мягкая» процедура умерщвления отличается быстротой, безболезненностью. Своим появлением она обязана успехам медицины, впервые была применена в штате Техас в 1982 г. Единственное болевое ощущение, которое испытывает осужденный, - укол шприца. Таким образом, пока смертная казнь существует, человечество будет использовать достижения наук в поисках новых, более гуманных способов умерщвления приговоренных к смертной казни.

Библиография

1. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. – М.: Инфра-М, 2004. – 184 с.
2. Гернет М.Н. Смертная казнь и общественное мнение // Смертная казнь: За и Против. – М.: Юрид. лит-ра, 1989. – 132-150.
3. Голик Ю.В. Вернется ли смертная казнь в Россию? // Lex Russica. 2016. № 7. – С. 184-189.
4. Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России. – Казань: тип. Имп. ун-та, 1892. – 103 с.
5. Интрефакс. 2001. 29 апреля.
6. Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. - СПб.: тип. т-ва Обществ. польза, 1866. – 551 с.
7. Кант И. Метафизика нравов. Метафизические начала учения о праве. – СПб.: П.П. Слайкина, 1903. – 60 с.
8. Квашис В.Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. – М.: Юрайт, 2008. – 800 с.

9. Кизилов А.Ю. Смертная казнь как разновидность монополии на насилие // Lex Russica. 2016. № 12. – С. 79-94.
10. Кистяковский А.Ф. Философия и социология. - СПб.: РХГИ, 1999. – 800 с.
11. Коробеев А.И. Смертная казнь: целесообразность сохранения // Lex Russica. 2016. № 7. – С. 190-199.
12. Ленин В.И. Полн. Собр. соч. 5-е изд. Т. 39. – М.: Полит. лит-ра, 1970. - 461 с.
13. Малько А.В. Смертная казнь: Современные проблемы // Правоведение. 1998. №1. – С. 106-116.
14. Малько А.В., Жильцов С.В. Смертная казнь в России: История. Политика. Право. – М.: Норма, 2003. – 224 с.
15. Мор Т. Утопия. – М.: Наука, 1978. – 416 с.
16. Пионтковский А.А. Избранные труды: В 2 т. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – 372 с.
17. Побегайло Э.Ф. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – 1066 с.
18. Ратковский И.С. Эволюция института смертной казни в первый год Советской власти // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2007. Сер. 2. Вып. 2. – С. 115-124.
19. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. - М.: Наука, 1994. – 380 с.
20. Ферри Э. Уголовная социология. Сост. и предисл. В.С. Обнинского. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 658 с.